

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ А РАВНО
УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА (СТ. 282 УК РФ)
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПУБЛИКОВАННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)»**

Выполнил
Газизов Руслан Ильдарович,
обучающийся по специальности
40.02.02 Правоохранительная
деятельность,
2021 года набора, 121 учебного взвода

Руководитель
Профессор кафедры уголовного права
и криминологии, д.ю.н.,
профессор
Сибэгатуллин Финат Фаязович

К защите рекомендуется
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____
подпись

Дата защиты «___» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Социальная обусловленность и уголовная ответственность за возбуждение ненависти, вражды и смежные деяния в зарубежном уголовном законодательстве	6
§1. История ответственности за преступления экстремистской направленности на постсоветском этапе, формирование современных уголовно-правовых норм.....	6
§2. Социальная обусловленность уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства	10
§3. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти, вражды и смежные деяния в уголовном законодательстве зарубежных стран	18
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства	28
§1. Объект и объективная сторона преступления.....	28
§2. Субъективные признаки состава преступления	34
§3. Квалифицированные виды состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.....	37
§4. Проблемы и совершенствование уголовного законодательства об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и практики его применения.....	43
Заключение.....	50
Список использованной литературы.....	54

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития российского общества проблема противодействия экстремистским проявлениям приобретает особую значимость.

Рост социальной напряженности, активное использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также широкое распространение цифровых коммуникаций способствуют увеличению числа публичных высказываний, содержащих признаки возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства. В этой связи положения статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) продолжают оставаться в центре научных дискуссий и правоприменительной практики. Подобные деяния создают реальную угрозу общественной безопасности, подрывают основы конституционного строя, нарушают принципы равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе.

Актуальность исследования обусловлена также изменениями законодательства последних лет, направленными на уточнение оснований уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности. Введение административной преюдиции, корректировка диспозиции статьи 282 УК РФ, а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации существенно повлияли на практику квалификации соответствующих деяний. Это требует комплексного анализа опубликованных судебных решений с целью выявления тенденций, проблем толкования и применения нормы.

Цель дипломной работы – провести комплексный уголовно-правовой анализ ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, предусмотренной ст. 282 УК РФ, на основе материалов опубликованной судебной практики, выявить особенности квалификации данного преступления, существующие проблемы

правоприменения и выработать предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Для достижения цели перед работой поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть социальную обусловленность уголовной ответственности за возбуждение ненависти, вражды и унижение человеческого достоинства.
2. Рассмотреть уголовную ответственность за возбуждение ненависти, вражды и смежные деяния в зарубежном уголовном законодательстве.
3. Проанализировать основной и квалифицированные виды состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.
4. Изучить судебную практику.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Предметом исследования выступают нормы уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующие ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, положения смежного законодательства, материалы опубликованной судебной практики, а также научные подходы к пониманию признаков состава преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ.

Методологическую основу работы составляют такие общенаучные методы исследования, как системный и структурно-функциональный, метод анализа и синтеза. Используются такие частноправовые методы, как статистический, сравнительно-правовой метод, формально юридический метод.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- статистические данные органов внутренних дел;
- материалы уголовных дел, рассматриваемых судами, а также судами других городов РФ;
- данные, приводимые другими исследованиями.

Теоретическую базу работы составили труды известных ученых по уголовному праву: Борзенков Г. Н., Боровиков В. Б., Борисов С.В., Власов И.С.,

Егорова С. А и т. д. Нормативно-правовой базой послужили: Конституция РФ, действующий уголовный кодекс и другие федеральные законы, постановления Пленумов Верховных Судов Российской Федерации.

С учетом специфики темы, а также степени ее разработанности, построена и структура работы, которая состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ, ВРАЖДЫ И СМЕЖНЫЕ ДЕЯНИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

§1. История ответственности за преступления экстремистской направленности на постсоветском этапе, формирование современных уголовно-правовых норм

Постсоветский этап развития уголовного законодательства о преступлениях экстремистской направленности представляет собой сложный и неоднородный процесс, в рамках которого происходило одновременное переосмысление советского правового наследия, адаптация уголовно-правовых механизмов к новым социально-политическим условиям и постепенное формирование современной системы противодействия экстремизму. После распада СССР государства, образовавшиеся на его территории, столкнулись с качественно новой правовой и политической реальностью. Демонтаж прежней идеологической монополии, конституционное закрепление политического плюрализма, свободы совести, свободы слова и многопартийности сопровождалось нарастанием межэтнических, межконфессиональных, региональных и политических конфликтов. В этих условиях уголовное право оказалось перед необходимостью выработать новые подходы к защите общественной безопасности, конституционного строя, межнационального мира и основ демократического государства от наиболее опасных проявлений радикализма.

Анализ уголовно-правовых источников показывает IX Преступления: раздел, посвященный преступлениям, посягающим на общественной безопасности и порядок, в редакции УК РФ 1996 года представляет собой гораздо более развернутый корпус норм по сравнению с главой Уголовного

кодекса РСФСР 1960 различия между ними – очевидны¹. Отчасти это объясняется включением в новый кодекс ряда ранее отсутствовавших положений, направленных на охрану ключевых интересов государства; интересов государства среди таких новаций фигурируют нормы, касающиеся незаконного вооруженного формирования и ответственности за участия в них. В документах также встречаются отсылки к конкретным статьям: 208 бандитизм, 209 массовые беспорядки 212 и последующие. Формально же нормы распределены так: 208 создание и участие в незаконных вооруженных формированиях 209 бандитизм 212 массовые беспорядки.

Второй этап, с вступлением в действие Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), обозначил смену парадигмы: с вступлением в Уголовного кодекса процесс трансформации ускорился – 1996 года этот акт стал ключевым в современной правовой регламентации в данной сфере. Отход от советской идеологической парадигмы означал, что новый кодекс предпринял пересмотр квалификации преступлений, направленных основы конституционного строя безопасности и общественного порядка; а также ужесточил нормы против публичных призывах к насильственному свержению, усилив ответственность за подстрекательство к межнациональной и религиозной вражде, за создании незаконного вооруженного формирования и массовых беспорядков, включая посягательствами на жизнь государственных и общественных деятелей. Экстремистская деятельность еще не была четко определена: в тот период тем не менее формировался широкий набор мер противодействия преступлениям мотивированным идеологически политически националистически и религиозно.

В 1997 году в силу вступил УК РФ. Положения 74 УК РСФСР фактически были перераспределены и нашли отражение в двух нормах нового кодекса – в ст. 136 Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина и в ст. 282 Возбуждение национальной расовой и религиозной вражды. Такое дробление норм выглядит оправданным. Пояснение следующее: после распада СССР в

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. М., 2024. С. 159.

России произошел серьезный пересмотр представлений о развитии, была провозглашена иная иерархия охраняемых ценностей – прежде всего личность, общество, государство. Именно этот принцип, поставленный в основе, определил структуру статей.

Особенно значимым фактором стала общая дестабилизация общественных отношений в 1990-е годы. Распад единого государственного пространства сопровождался вооруженными конфликтами, всплеском сепаратизма, активизацией националистических движений, ростом религиозного радикализма, криминализацией политической борьбы и усилением влияния незаконных вооруженных формирований. Конфликты в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии, Таджикистане, Чечне и ряде иных регионов продемонстрировали, что прежние уголовно-правовые конструкции уже не позволяют в полной мере охватить новые формы организованного насилия, идеологически мотивированной преступности, пропаганды ненависти и подрыва конституционного порядка. При этом в первые годы после распада СССР законодатель зачастую реагировал фрагментарно, используя уже существовавшие общие составы преступлений, а не создавая целостную систему норм о преступлениях экстремистской направленности.

Статья 282 УК РФ первоначально была изложена в следующей редакции:

«Статья 282. Возбуждение национальной, расовой или религиозной

Вражды 1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации, - наказываются штрафом в размере от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от двух до четырех лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) организованной группой, - наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет».

Наряду с изменениями статьи 282 УК РФ продолжалось развитие иных составов. Расширялись признаки публичности с использованием сети Интернет, усиливалась ответственность за вовлечение в экстремистскую деятельность, за финансирование экстремизма, за организацию деятельности запрещенных объединений. Существенное внимание законодатель уделял профилактическому и запретительному аспекту: формировался федеральный список экстремистских материалов, совершенствовались процедуры ликвидации общественных и религиозных объединений, признаваемых экстремистскими, вводились ограничения в сфере символики, информационного распространения и доступа к соответствующим ресурсам. Таким образом, уголовно-правовые меры развивались не изолированно, а в тесной связи с административным, информационным и процессуальным регулированием.

Следует подчеркнуть, что формулировка статьи 282 УК РФ подверглась глубокой переработке. В результате заголовок статьи 282 получил иное смысловое наполнение: в названии теперь сделан особый акцент на вражде, а также появилось отдельное указание на ненависть, причем в новой редакции возбуждение ненависти стал центральным элементом квалификации и правового анализа. Параллельно установлен специальный запрет на унижение достоинства; ненависть и унижение выделены отдельно и обозначены раздельно как самостоятельные запрещенные проявления поведения в общественном пространстве.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что история ответственности за преступления экстремистской направленности на постсоветском этапе представляет собой не просто хронологию законодательных изменений, а отражение глубинных трансформаций государства и общества после распада

СССР. В условиях политического плюрализма, этноконфессионального разнообразия, кризиса идентичности, вооруженных конфликтов, распространения радикальных идеологий и международного терроризма уголовное право стало одним из ключевых инструментов стабилизации нового общественного порядка. Постепенно из разрозненных норм о разжигании вражды, массовых беспорядках, незаконных вооруженных формированиях и посягательствах на государственную безопасность сформировался современный комплекс уголовно-правовых запретов, объединенных идеей противодействия экстремистской деятельности. Одновременно этот процесс выявил и серьезные правовые риски: чрезмерную широту легальных определений, оценочность ключевых понятий, возможность расширительного толкования, смешение насильственных и ненасильственных форм радикализма, а также опасность использования механизмов за пределами их изначального назначения. Именно поэтому современный этап развития уголовного законодательства в данной сфере связан не только с дальнейшей конкретизацией и усилением ответственности, но и с поиском более точного баланса между эффективной защитой государства и общества от экстремистских угроз и соблюдением фундаментальных прав и свобод человека.

§2. Социальная обусловленность уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

Социальная обусловленность уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства воспринимается как продукт комплексного взаимодействия историко-политических, правово-институциональных и культурно-ценностных факторов, в результате чего формирование уголовно-правовой ответственности детерминировано спецификой социально-исторического развития и правовой регуляции общественных отношений, поскольку соответствующие деяния,

помимо непосредственного посягательства на честь и достоинство отдельных лиц или социальных групп, получают выражение в угрозе основам конституционного строя, общественной безопасности, межнационального и межконфессионального согласия, что обуславливает необходимость законодательного установления уголовно-правового запрета в целях охраны консолидируемых общественных ценностей.

Формирование уголовно-правовых норм рассматривается как реакция государства на совокупность рисков социальной среды, в условиях которой агрессивные проявления и умаление человеческого достоинства по признакам расы, национальности, вероисповедания или языка, а также дискриминационные практики, детерминируемые социально-структурным неравенством, интерпретируются как факторы, способные подрывать устойчивость общественного порядка и мирного сосуществования. Исторический опыт показывает, что оставление таких проявлений без внимания может привести к масштабным социальным конфликтам, широким волнениям, распространению дискриминационных практик и даже к насилию.

В юридической науке криминализацию обычно рассматривают как процесс: в его ходе деяние получает квалификацию – общественно опасного и противоправного – и может становиться объектом уголовного преследования; при этом решение об установлении уголовной ответственности, как правило, обусловлено социальными условиями, а наличие существенных общественных оснований и предпосылок объясняет, почему именно отдельные виды поведения подлежат криминализации¹.

Социальная обусловленность рассматриваемой уголовно-правовой нормы прежде всего связана с особой ценностью человеческого достоинства как базового элемента правового статуса личности. В современной правовой доктрине достоинство понимается не просто как субъективное представление человека о собственной значимости, а как объективно признаваемая

¹ Борзенков Г. Н. Курс уголовного права: в 5 т. М., 2002. С. 14.

государством и обществом безусловная ценность каждого индивида независимо от его происхождения, убеждений, социального положения и иных признаков¹. Унижение достоинства по мотивам групповой принадлежности опасно тем, что оно затрагивает человека не как отдельного участника социального взаимодействия, а как представителя определённой общности, тем самым расширяя вредоносный эффект до масштабов целой социальной категории. Публичное распространение представлений о неполноценности, опасности, второсортности или недопустимости существования той или иной группы не только причиняет моральный вред её представителям, но и закрепляет в общественном сознании модели дискриминационного восприятия, способные воспроизводиться в повседневной практике, в том числе в сфере труда, образования, политики, бытового общения и доступа к социальным благам.

Конституция закрепляет право на равенство и свободу каждого лица и гражданина; без исключений это распространяется по признакам пола, расовой и этнической принадлежности языка места происхождения религиозных убеждений и прочих обстоятельств, причем такое закрепление в тексте служит основаниями для уголовной ответственности и уголовного преследования за действия, провоцирующие враждебные настроения и ненависть, и потому предполагает применение соответствующих мер. Этот принцип провозглашает недопустимость дискриминации и фиксирует равную ценность каждого человека как носителя прав. Публичные действия, направленные на формирование негативного, оскорбительного или агрессивного образа конкретных социальных групп, подрывают его и создают повышенный риск для общественного порядка.

Так, по мнению Боровикова В.Б., основание криминализации – это то, что создает действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, внутренняя необходимость возникновения уголовно-правовой нормы. Так же к принципам, по его мнению, следует отнести:

¹ Козаченко И. Я. Уголовное право. М., С. 48.

1. Принцип необходимости уголовно-правового запрета. Криминализация оправдана тогда, когда иные правовые средства недостаточны для эффективной защиты охраняемых общественных отношений. Возбуждение ненависти либо вражды представляет собой деяние, последствия которого могут выходить далеко за пределы частного конфликта, затрагивая интересы общества и государства. Поэтому в наиболее опасных случаях применение только административных или гражданско-правовых мер оказывается недостаточным.

2. Системно-правовые, которые должны быть выстроены на основе непротиворечивости норм права. Системно-правовые принципы включают в себя общеправовые принципы, которые используются при создании любых норм права (конституционной адекватности, системно-правовой непротиворечивости, международно-правовой необходимости и допустимости, процессуальной осуществимости преследования), и уголовно правовые, характерные непосредственно для уголовного законодательства¹. Борисов С.В. к принципам криминализации причисляет:

- достаточную общественную опасность;
- относительную распространенность криминализуемых деяний;
- возможность позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение;
- преобладание позитивных последствий криминализации, не избыточность уголовно-правового запрета;
- своевременность криминализации².

Социальная обусловленность уголовной ответственности проявляется также в необходимости поддержания публичного порядка. Разжигание ненависти способно спровоцировать массовые беспорядки, столкновения, акты вандализма и иные нарушения общественного спокойствия.

¹ Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. М., 2024. С. 253.

² Борисов С.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности. М., 2010. С. 140.

Государство заинтересовано в предотвращении подобных последствий, поскольку они наносят ущерб экономике, подрывают инвестиционную привлекательность и ухудшают качество жизни граждан. Необходимо отметить, что уголовная ответственность за возбуждение ненависти и унижение достоинства соответствует международным обязательствам государств. Международные акты в области прав человека предусматривают обязанность государств запрещать пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, являющуюся подстрекательством к дискриминации или насилию. Тем самым национальное уголовное законодательство реализует международные стандарты и способствует укреплению глобальной системы защиты прав человека.

«Действия направленные на», если их так условно охарактеризовать, – это именно те акты, которые провоцируют враждебность и возбуждают ненависть, а также проявляют поведение, унижающее человеческое достоинство; подобные феномены, без сомнения, представляют собой значимую угрозу общественной безопасности. Такие акты могут, помимо прочего, подорвать основополагающие принципы общественного единства и расшатать «и мирное» сосуществование, а также ослабить консолидирующие связи «многонационального народа Российской Федерации», на которых держится порядок¹.

Социальная обусловленность также связана с задачами формирования толерантной правовой культуры. Применение уголовной ответственности выполняет воспитательную функцию, демонстрируя недопустимость ксенофобских и экстремистских проявлений. Укрепление ценностей уважения и равноправия рассматривается как необходимое следствие реализации превентивных правоприменительных мер в условиях глобализации и миграции, при сохранении исходной логики которого криминализация соответствующих деяний интерпретируется как отражение общественного запроса на обеспечение защиты уязвимых групп и как инструмент придания приоритетности их

¹ Власов И.С., Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование. М., 2014. С. 74.

безопасности. Этнические, религиозные и языковые меньшинства фиксируются в качестве объектов дискриминации и агрессии, а предоставление уголовно-правовых гарантий безопасности и равного участия в общественной жизни рассматривается как подтверждение государственной приверженности принципам социальной справедливости, при этом в анализируемую совокупность мер подлежит включению экономический аспект.

Социальная нестабильность, детерминированная межэтническими и межконфессиональными конфликтами, проявляется в виде материальных потерь и сопровождается снижением уровня общественного доверия, затруднением делового сотрудничества и препятствованием процессам регионального развития, что в совокупности интерпретируется как фактор ослабления условий социально-экономического функционирования. Предотвращение разжигания ненависти посредством уголовно-правовых мер рассматривается как мера, обеспечивающая поддержку благоприятного социально-экономического климата и направленная на стабилизацию общественно-экономических отношений.

В результате анализа судебной практики фиксируется отсутствие выявления уголовных преследований, инициированных по мотивам пола, языка или национальной принадлежности в привязке к статье 282 УК РФ, при этом случаи возбуждения дел по основаниям социальной принадлежности регистрируются как единичные, что интерпретируется как свидетельство редкости таких правонарушений в изученных материалах.¹

Ненависть и вражда, детерминируемые групповыми признаками, представляют собой феномены, качественно отличные от типичных межличностных конфликтов, поскольку при межличностном конфликте негативное отношение обусловлено индивидуальными качествами конкретного лица, тогда как при возбуждении ненависти осуществляется перенос оценочных конструкций на совокупность представителей соответствующей группы, в

¹ Егорова С. А. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ): дис. – Сибирский федеральный университет, 2017.

результате чего объектом враждебности выступает не совокупность деяний индивида, а его приписываемая принадлежность к социальной общности, что придает рассматриваемым деяниям особую общественную опасность и способствует массовизации отрицательных установок с формированием коллективной нетерпимости. Государство, признающее принцип равенства и недопустимость дискриминации, объективно заинтересовано в том, чтобы пресекать подобные практики на ранней стадии.

Уголовное преследование применяется именно за деяния, направленные на разжигание вражды и розни; равно и за посягательства – человеческого достоинства не вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации и с нормами международного права, действующими на территории России. Россия, напротив, оно воплощает требования и полностью согласуется с установленными правовыми предписаниями.

В статье Конституции РФ прямо говорится, что права и свободы являются высшей ценностью; из этого государство обязано признавать обеспечивать и охранять права и свободы каждой личности. В части 2 статьи 29 говорится о запрете пропаганды или агитации, способные породить социальную расовую национальную или религиозную вражду и ненависть. Также дополнительно указывается, что как пропаганда социального расового национального религиозного или языкового характера, так и идеи превосходства на таких основаниях запрещены. В основном законе это закреплено, что подчеркивает значимость данного правового принципа для правовой системы и общественных отношений.

Криминологическая обусловленность рассматриваемого запрета выражается также в специфике механизма совершения таких деяний. Возбуждение ненависти или вражды часто осуществляется в публичной форме, через речь, тексты, изображения, аудиовизуальные материалы, символику, выступления в средствах массовой информации и сетевых коммуникациях. Это делает подобные действия особенно опасными, поскольку их воздействие не ограничивается узким кругом лиц, а может быть многократно воспроизведено,

тиражировано и интерпретировано различными аудиториями. Цифровая среда существенно усилила эту проблему: алгоритмы рекомендаций, анонимность, высокая скорость распространения контента и низкий порог публикации привели к тому, что материалы, содержащие признаки возбуждения ненависти либо унижения достоинства, способны за короткое время достигать огромного числа пользователей. При этом субъекты, воспринимающие подобный контент, нередко оказываются вовлечены в сообщества, где агрессия и нетерпимость становятся нормой коллективной идентичности. В указанных условиях уголовная ответственность приобретает дополнительную социальную обусловленность как средство противодействия новым формам информационного экстремизма и сетевой радикализации.

С системной точки зрения санкция уголовно-правового характера рассматривается как наиболее жесткий инструмент правовой ответственности: она осуществляется открыто и с применением принуждения, фактически ограничивая права и свободы людей, в отношении которых она применяется, что придает ей исключительный статус. Отсюда в теории уголовного права исходит вывод, что при возможности разрешать общественные конфликты без обращения к уголовным санкциям следует в первую очередь применять альтернативные, менее суровые способы и не прибегать к уголовному наказанию.

Социальная обусловленность уголовной ответственности проявляется также в том, что рассматриваемые деяния посягают на общественные отношения, обеспечивающие мирное сосуществование различных социальных групп. Эти отношения формируются на основе взаимного уважения и признания прав друг друга.

Подводя итог, следует отметить, социальная обусловленность уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, объясняется совокупностью взаимосвязанных факторов. К ним

относятся высокая общественная опасность соответствующих деяний, их направленность против конституционных принципов равенства и уважения достоинства личности, способность провоцировать дискриминацию, насилие и межгрупповые конфликты, усиление угрозы в условиях цифровой коммуникации, необходимость защиты многонационального и многоконфессионального общества, а также превентивная роль уголовного закона в предупреждении экстремистских проявлений.

Данный уголовно-правовой запрет отражает объективные потребности общества в стабильности, равенстве и уважении к личности, выступая важным элементом механизма охраны прав человека и устойчивого развития государства.

§3. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти, вражды и смежные деяния в уголовном законодательстве зарубежных стран

В современных правовых системах государств набирает особую актуальность задача уголовно-правового пресечения провокационных действий, нацеленных на стимулирование вражды и проявлений ненависти. Усиление миграционных процессов, этнокультурное и конфессиональное разнообразие населения, возрастание влияния радикальных идеологий и массовое применение цифровых коммуникаций создали базис для пересмотра норм уголовного права в данной области, требуя совершенствования методов реакции и практик применения закона. Одновременно зарубежные государства выработали различные модели нормативного урегулирования, стремясь найти баланс между обеспечением общественного порядка, соблюдением прав человека и защитой свободы выражения мнений, что отражается в балансе мер безопасности и гражданских свобод.

Признание запрета дискриминации и ксенофобских проявлений прослеживается в нормах международного права и одновременно закреплено на конституционном уровне; дополнительно оно находит отражение и в ряде актов

в уголовно правовых сферах, что характерно для государств, чьим признаком является демократическим устройством.

При анализе документов международно правового характера, затрагивающих в той или иной мере вопросы возбуждения ненавистнических и враждебных настроений, их можно ориентировочно разделить на две основные категории:

К первой группе относятся международные акты, в которых закреплены стандарты прав человека и демократии. Хотя они напрямую не касаются данной проблемы, в них отражаются модели государственного и общественного устройства, противоположные экстремизму. К ним относятся:

Всеобщая декларация прав человека 1948 г.;

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.;

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1953 г.;

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г.

К международным актам второй группы относятся документы, цель которых – предупреждение и устранение, с выдержанным акцентом, ряда различных проявлений экстремизма; в том числе среди них фигурируют акты, направленные на нейтрализацию рисков для общественной безопасности, то есть на снижение и локализацию соответствующих угроз в практической плоскости. Особое место в нашем анализе занимает Конвенция Шанхая, принятая в 2001 году, документ ориентированный на борьбу с терроризмом сепаратизмом и экстремистской – норматив, формирующий набор мер по противодействию перечисленным явлениям. Эта конвенция была подписана Россией, а также Республикой Казахстан Китайской Народной Республика Кыргызская Республика Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, что фиксирует круг государств-сторон, участвовавших в ее утверждении.

Общей тенденцией является признание общественной опасности деяний, направленных на разжигание ненависти по признакам расы, национальности, этнического происхождения, религии, языка, пола, сексуальной ориентации и

иных характеристик. При этом уголовная ответственность в большинстве стран устанавливается либо за публичные призывы к насилию и дискриминации, либо за распространение материалов, унижающих достоинство определённых групп.

В Конвенции даются определения основных понятий, и представляются меры по противодействию, основным способом которых является сотрудничество.

Шанхайская конвенция даёт такое определение понятия «экстремизм» (п. 3 ч. 1 ст. 1): экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон.

Общей тенденцией зарубежного законодательства является расширение перечня защищаемых признаков. Если первоначально основное внимание уделялось расе, национальности и религии, то в настоящее время многие правовые порядки включают в число охраняемых характеристик пол, гендерную идентичность, сексуальную ориентацию, инвалидность, возраст, происхождение, гражданство и иные признаки. Это связано с развитием антидискриминационного права и более широким пониманием уязвимости социальных групп. Одновременно возникает проблема пределов такой экспансии: чем шире круг защищаемых категорий, тем острее встаёт вопрос о точности уголовно-правовых формулировок и необходимости предотвращения чрезмерного вмешательства в сферу свободы слова. Поэтому многие государства стремятся ограничивать уголовную ответственность случаями публичности, наличия намерения, угрозы насилия, реальной способности высказывания вызвать ненависть либо существенного нарушения общественного мира.

При изучении зарубежной практики борьбы с радикальными проявлениями исследователи указывают, что в ряде западноевропейских государств и в США, вместо привычного ярлыка экстремизм применяют более

дифференцированные категориальные конструкции – например, «hatespeech» (речь вражды) и и hatredcrime (направленные ненавистью преступления), – чтобы точнее квалифицировать поведение. При этом внимание смещается на ситуации, связанные с разжиганием межэтнической и религиозной вражды: вербальные посягательства, угрозы и применение насилия против людей другой принадлежности, а также распространение материалов расистского и нацистского содержания становятся предметом особого контроля; преступления на почве ненависти обычно трактуют как совокупность разнообразных неправомерных деяний¹.

Правовые нормы ряда государств в этой сфере выстроены по принципам повышенной защиты: в ряде правовых систем – В Канаде Нидерландах Испании и других – введены специализированные механизмы ответственности. уголовное преследование применяется как основной инструмент реагирования, вплоть до реальных сроков лишения свободы; параллельно предусмотрены и штрафов за деяния, затрагивающие религиозных чувств верующих, за вмешательство в религиозных обрядов, а также за и оскорбления в адрес лиц по признаку этнической принадлежности.

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько основных моделей уголовно-правового реагирования на возбуждение ненависти и смежные деяния. Первая модель — расширительная европейская, в рамках которой наказуемыми являются не только прямые призывы к насилию, но и публичные оскорбления групп, унижение достоинства, отрицание геноцида, распространение расистских материалов и символики. Вторая модель — либерально-ограничительная, наиболее ярко представленная в США, где само по себе выражение ненавистнических взглядов обычно не криминализируется, а акцент переносится на защиту от непосредственных угроз и на усиление ответственности за общеуголовные преступления, совершённые по мотивам ненависти. Третья модель — превентивно-стабилизационная, характерная для ряда азиатских и

¹ Недзельюк Т.Г. Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства., 2016. С. 287.

некоторых постсоветских государств, где уголовный закон широко используется для недопущения межгрупповых конфликтов и охватывает достаточно широкий круг высказываний, способных, по оценке законодателя, нарушить общественное согласие. Каждая из этих моделей отражает определённый баланс между свободой выражения, исторической памятью, политической культурой и уровнем социальных рисков.

В государствах Содружества, частично опираясь на российский опыт, формируются специализированные нормативные документы, направленные на пресечение экстремистской деятельности и противодействие экстремизму; при этом соответствующие нормативные акты действуют в Белоруссии Казахстане Кыргызстане Молдове и Таджикистане, то есть в ряде стран региона. В таких фиксирование в указанных нормативных актах обобщенных понятий, формулирование базовых принципов, обозначение основных векторов реагирования и институциональная идентификация задействованных субъектов, а также регламентация процедур признания организаций экстремистскими представляются как совокупность системообразующих элементов правового регулирования, предназначенная для обеспечения скоординированной реакции на экстремистскую деятельность в пределах рассматриваемого региона и рассматриваются как инструмент унификации подходов с учетом частичного опирания на российский опыт¹.

При переносе акцента в область уголовного права и при соотнесении с российской нормативной базой осуществляется рассмотрение иностранных подходов к квалификации преступлений, мотивированных ненавистью, при этом производится оценка степени распространенности данного социального феномена и анализируются механизмы реагирования, что иллюстрируется на примерах США, Великобритании, Германии и Франции, где способы внедрения соответствующих мер и практика правоприменения находятся в значительной степени различными.

¹ Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть. М., 2025. С. 169.

Правовая система США интерпретируется как модель, существенно отличающаяся от европейских, причем закрепленное в Первой поправке к Конституции гарантирование свободы слова выступает как детерминанта, ограничивающая возможности уголовно-правовой криминализации высказываний, при этом отсутствие общей нормы о возбуждении ненависти фиксируется как характерная особенность, а уголовная ответственность наступает лишь в случаях «непосредственного подстрекательства к насилию» или «реальной угрозы», кроме того законодательная регламентация предусматривает ответственность за деяния, совершенные по мотивам ненависти, при которой так называемые «hate crimes» получают выражение в ужесточении наказания в случаях совершения преступлений по мотивам расовой, религиозной или иной ненависти, причем федеральное законодательство, включая Закон о предотвращении преступлений на почве ненависти имени Мэттью Шепарда 2009 года, расширило перечень защищаемых признаков, вследствие чего американская модель правовой реакции рассматривается прежде всего как модель, сосредоточенная на наказании насильственных действий, а не на криминализации высказываний.

В уголовно-правовой регламентации США фиксируется отсутствие специальных статей, предназначенных для установления уголовной ответственности за призывы к ненависти, при этом правоприменительная практика, в наиболее общем виде, ориентируется на пресечение противоправных форм поведения, выражающихся в насильственных действиях либо в формировании угроз в адрес лиц иной культурной или социальной принадлежности, а также в совершении преднамеренных действий по уничтожению или угрозам разрушения имущества, мотивированных расовой, гендерной или иной враждой.

Конституционно гарантируемая свобода выражения рассматривается как правовая основа, предоставляющая возможность диссеминации радикальных и экстремистских идей, включая их распространение в интернете, при этом практика правоохранительного вмешательства детерминируется наличием

доказательной базы, свидетельствующей о совершении реальных противоправных действий, что на практике фиксировалось в отношении неонацистов или черных сепаратистов¹.

Наблюдается интенсификация механизмов мониторинга интернет-деятельности в США, что в указанном аспекте рассматривается как форма институционализируемого опыта, представляющая значимый опыт для национальной практики применения законодательства и подлежащая осмыслению в контексте адаптации правоприменительных мер.

Великобритания.

В британском законодательстве осуществляется установление ответственности за разжигание расовой и религиозной ненависти через регламентацию, содержащуюся в Законе о публичном порядке 1986 года, в рамках которой произведено расширение перечня охраняемых признаков, и данное деяние рассматривается как преступление при использовании угрожающих или унижительных выражений, сопровождаемое намерением на возбуждение ненависти, при этом в правоприменительной практике акцентируется необходимость доказательства указанного намерения. В отношении религиозной ненависти закон прямо требует установления умысла на её возбуждение. Это отражает стремление обеспечить баланс между защитой общественных интересов и свободой слова. Санкции могут достигать семи лет лишения свободы.

Согласно разъяснениям, размещенным на официальном портале Королевской прокуратуры Великобритании, термин «насильственный экстремизм» охватывает действия, выражающиеся в недопустимом поведении с использованием любых доступных способов и средств (в том числе цифровых технологий) для демонстрации взглядов, которые:

¹ Солопченко Д. В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. 2014. № 6.

- побуждают, оправдывают либо транслируют воззрения, призывающие к насильственным действиям, применяемым террористами для реализации конкретных задач;
- склоняют иные лица к совершению террористических актов;
- побуждают совершать тяжкие преступления либо предназначены для подстрекательства к таким действиям со стороны посторонних лиц;
- распространяют идеи ненависти, которые могут спровоцировать этнические столкновения внутри Соединенного Королевства.

Документ под названием Criminal Justice Act, принятый В 2003 году, установил, что преступление, совершенное из мотивов ненависти по признаку сексуальной ориентацией, должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство; положение прямо зафиксировано в статье закона. На официальном сайте Министерства внутренних дел Home Office указывается что к преступлениям ненависти причисляют акты насилия против лиц или их собственности, совершенные по мотиву пола, гендерной принадлежности либо инвалидности пострадавшего, и при этом даются уточняющие комментарии по практической квалификации таких деяний.

Интересен опыт Италии. Итальянское право долгое время основывалось на так называемом Законе Манчино, который предусматривает ответственность за распространение идей, основанных на расовом или этническом превосходстве либо ненависти, а также за подстрекательство к совершению дискриминационных или насильственных действий по расовым, этническим, национальным или религиозным мотивам. В Италии наказуемо создание и участие в организациях, преследующих такие цели. Дополнительно итальянское право содержит запреты, связанные с фашистской пропагандой и апологией фашизма, что также обусловлено историческим опытом страны. Итальянский подход показывает, что борьба с разжиганием ненависти может сочетаться с противодействием возрождению тоталитарных идеологий.

В польском правовом поле осуществляется установление нормативной ответственности за совершение правонарушений, включая распространение

фашистских и тоталитарных идеологий, при этом предметом регулирования выступают идеологическая агитация и разжигание ненависти, квалифицируемые по признакам национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности, и предусматривается санкционирование публичного унижения и действий, направленных на причинение вреда. Кроме того, караются посягательства на неприкосновенность, совершенные по признакам национальной этнической расовой или религиозной принадлежности. Польская практика наглядно показывает связь между запретом побуждения к вражде и совокупностью мер по противодействию тоталитарной пропаганде.

В правовых системах Чехия и Словакия, где закреплена ответственность за призывы к враждебности и сходные деяния, законодательство ориентировано так, что правонарушения направлены на пресечение посягательств на права и свободы; одновременно оно призвано предотвращать организацию поддержку и пропаганду движений, стремящихся подорвать эти прав и свобод. Как и во многих государствах Центральной Европы публичное отрицание, умаление значения или оправдание преступлений, совершенных в рамках нацистских или коммунистических режимов, при выражении их в формах влечет уголовную ответственность такая – и это регулирование обусловлено историческим опытом¹.

Особое значение в данной практике имеет систематическое вовлечение полиции в работу с местными сообществами и населением. В результате регулярного двустороннего обмена данными с применением современных каналов связи и телекоммуникационных технологий опыт такого взаимодействия целесообразно рекомендовать в качестве примера профильным правоохранительным структурам нашей страны.

Германия.

Особого внимания в рамках сравнительно-правового анализа заслуживает опыт Германия, где уголовно-правовое противодействие возбуждению

¹ Голованова Н. А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия // Журнал российского права.

ненависти и вражды имеет устойчивую историческую и социальную основу. Немецкое законодательство сформировалось под значительным влиянием событий XX века, прежде всего последствий деятельности нацистского режима, что обусловило повышенную чувствительность государства к любым проявлениям расовой, национальной и иной формы нетерпимости. В этой связи уголовно-правовые нормы, направленные на пресечение подобных деяний, отличаются высокой степенью детализации и строгости.

В немецком уголовном праве центральное значение имеет норма, закрепленная в 130 Уголовного кодекса *Strafgesetzbuch*; она определяет понятие «*Volksverhetzung*», обозначающее возбуждение враждебности и рассматривает это как отдельную правовую категорию В. В рамках этой нормы предусмотрены уголовные санкции за деяния, направленные на возбуждение ненависти в отношении социальных групп; кроме того, под запрет подпадают призывы к насилию и посягательство на человеческое достоинство – в частности оскорбления умышленных, умышленное принижение или распространение клеветы. Констатируется законодателем публичный характер указанных деяний, который интерпретируется как индикатор повышенной общественной опасности и как основание для усиления мер правовой защиты.

В уголовно-правовой регламентации Федеративной Республики Германия выделяется совокупность составов, коррелирующих с экстремистской деятельностью, в которую включается распространение пропаганды запрещенных организаций, направленной против демократического порядка или межнационального согласия, при этом в наиболее общем виде предусмотрены исключения, обусловленные целями гражданского просвещения, исследовательской деятельности или учебного процесса, а закрепление соответствующих предписаний осуществляется в статье 86 Уголовного кодекса Германии¹.

¹ Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. М., 2026. С. 345.

В результате сопоставительного анализа правовых систем осуществляется выделение двух доминирующих моделей регулирования ответственности за речевые высказывания, при этом первая модель, характерная для континентально-европейской правовой традиции, предполагает уголовно-правовую регламентацию публичного выражения враждебности и принижения достоинства социальных групп, тогда как вторая модель, преобладающая в США, интерпретируется как ориентированная на приоритет свободы слова и на ограничение уголовного вмешательства случаями фактического насилия либо реальных угроз, и в ряде государств наблюдается стремление к обеспечению баланса между защитой индивидуальных прав и свободой выражения мнений, при этом ключевыми критериями квалификации выступают публичность деяний, наличие умысла, адресность и оценка уровня причиняемого общественным отношениям вреда.

Соответственно, формирование уголовной ответственности за возбуждение ненависти и вражды в зарубежных правовых системах детерминируется историческими, культурными и конституционными особенностями, при этом, несмотря на различие подходов, фиксируется общее признание высокой общественной опасности указанных деяний и необходимости их правового пресечения, что находит выражение в законодательных решениях различных юрисдикций. Современные тенденции проявляются в расширении перечня защищаемых признаков и в усилении регуляторного внимания к цифровой среде, что рассматривается как отражение эволюции общественных отношений и формирование новых вызовов в сфере безопасности и прав человека. Зарубежный опыт подтверждает, что оправданность уголовно-правового реагирования в указанной области обусловлена направленностью такого реагирования на защиту равенства, человеческого достоинства, общественного мира и демократического порядка и одновременно подлежит соотнесению с требованием строгого соблюдения принципов законности, определенности уголовно-правового запрета, соразмерности вмешательства и уважения свободы выражения мнения. Для

российского права этот опыт представляет особую ценность, поскольку позволяет совершенствовать национальную модель уголовно-правового противодействия разжиганию ненависти с учетом как международных стандартов, так и лучших зарубежных практик.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

§1. Объект и объективная сторона преступления

То, на что направлено преступное посягательство, и его объективное выражение – это две ключевые категории, без которых конструкция состава преступления неизбежно утрачивает свое содержание; их роль очевидна и в теоретически выстроенных положениях уголовного права, и при практическом применении норм, поскольку от ясности формулировок зависит корректность правоприменительной практики. Точная фиксация предмета посягательства, наряду с критическим анализом внешнего проявления деяния, позволяет верно установить правовую сущность совершенного, отчетливо отграничить его от иных правонарушений и обеспечить, чтобы его от иных правонарушений и последующая квалификация соответствовали требованиям основных институтов уголовного права. Недостаточная определенность понятий препятствует выработке системных теоретических и практических представлений о составе и специфике уголовно правовых запретов, что затрудняет единообразное и справедливое применение норм. В уголовно-правовой доктрине объект преступления понимается как совокупность общественных отношений и благ личности общества или государства, которым причинен вред или возникла реальная угроза такого вреда. Объективная сторона в свою очередь служит для установления способа совершения деяния конкретного проявления, вызванных им последствий и наличия причинной связи между деянием и наступившим результатом при необходимости в ней фиксируются сведения о времени, месте, способе, орудиях и средствах совершения. В совокупности эти элементы образуют внешнюю и содержательную характеристику преступного деяния, рассматриваемого уголовным законом как общественно опасное.

Та часть Уголовного кодекса, которая обычно называется Особенной, выстроена по принципу объектов посягательств как основного критерия: именно по ним производится группировка норм и выделение соответствующих глав. Так, Статья 282 УК РФ оказалась отнесенной к главе 29 Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства; эта глава включена в раздел X Преступления против государственной власти, что иллюстрирует логику компоновки положений. Подобная организация разделов и глав позволяет делать обоснованные выводы о тех общественных благах и отношениях, на которые направлены соответствующие преступления и проследить, какие общественные ценности охраняются законодательством.

Объект преступления традиционно определяется как охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает преступное деяние. В рассматриваемой категории преступлений объект имеет сложный, многослойный характер, что обусловлено особенностями самого деяния и его социальными последствиями. Прежде всего, непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии и иных обстоятельств. Данный объект закреплён на конституционном уровне и представляет собой одну из основ правового государства.

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие межнациональное, межконфессиональное и иное социальное согласие, уважение к человеческому достоинству и принцип равноправия. Конституция Российской Федерации закрепляет равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо признаков. Следовательно, любые действия, направленные на формирование негативного, враждебного отношения к определённым группам лиц, подрывают фундаментальные основы конституционного строя.

Вместе с тем, по мнению А В Жеребченко, рассматривает он этот объект как обладающий видовой природой – как сам автор и указывает; в терминологии

самого автора он выступает как родовой объект, упомянутый в названии главы 29 и в формулировке статьи 2 УК РФ. Между тем такой подход оказывается чрезмерно расширенным и не укладывается в конструкцию совокупности преступных составов предусмотренных уголовным законом: он фактически охватывает целиком этносы, национальные сообщества и религиозные конфессии, и не обеспечивает практической определенности при квалификации отдельных правонарушений, что порождает дополнительные методические проблемы¹.

Некоторые ученые полагают, что непосредственным объектом служит запрет, закрепленный в Конституции на возбуждение вражды, причем они выделяют в этой связи расы национальности и вероисповедания как типичные основания; такой запрет рассматривают как один из элементов конституционного строя и подчеркивают его значение для устойчивости правовой системы.

Основной: общественные отношения по защите основ конституционного строя, целостности и безопасности государства;

Дополнительный: отношения на основе гарантированных Конституцией РФ равенства прав и свобод человека независимо от их пола, языка, происхождения, рода занятий, национальной, расовой принадлежности, отношения к религии и социального положения, а также на основе неприкосновенности и достоинства личности.

Одновременно с этим в качестве дополнительного объекта можно выделить общественные отношения, обеспечивающие общественное спокойствие и межгрупповую гармонию. Возбуждение ненависти и вражды по своей природе направлено не только на конкретную группу лиц, но и на подрыв стабильности общества в целом. В результате формируется атмосфера напряженности, недоверия и конфликта, что негативно влияет на

¹ Жеребченко А. В. Ответственность за возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства // Вестник Московского университета МВД России М, № 10. 2007 С. 53-56.

функционирование социальных институтов. Таким образом, объект рассматриваемого преступления выходит за рамки индивидуальных прав и приобретает общественно значимый характер.

В научной литературе также высказывается мнение о наличии факультативного объекта – человеческого достоинства как самостоятельной ценности. Унижение достоинства личности, являясь самостоятельным проявлением противоправного поведения, затрагивает фундаментальные основы правового статуса человека. Достоинство выступает неотъемлемым элементом личности и охраняется как на национальном, так и на международном уровне. В этой связи посягательство на него рассматривается как серьезное нарушение прав человека, требующее уголовно-правовой реакции.

Статья 282 УК РФ предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Данное преступление относится к экстремистской деятельности, что и указано также в ч.1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Особенность состава указанного преступления заключаются в том, что он имеет формальную конструкцию. Преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных в диспозиции ст. 282 УК РФ общественно опасных действий, имеющих направленность на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека, независимо от фактической реализации этой направленности.

В пункте первой части статьи 282 УК РФ, рассматриваемом в доктрине и практике, выделяются признаки двух самостоятельных составов преступления: признаки двух самостоятельных составов преступления с одной стороны

действия, направленные на разжигание вражды по указанным же основаниям; с другой – нацеленные на принижение чести и достоинства конкретного лица или групп лиц на тех же основаниях. В научных обсуждениях отсутствует единый подход к оценке данных явлений – речь прежде всего о критериях квалификации и о границах юридической оценки поступков, побуждающих к разжиганию, и тех актов, направленных на принижение сам по себе; сам же текст закона ограничивается фиксацией их направленности и не предоставляет полного перечня признаков, определяющих объективную сторону преступления.

Объективная сторона является важнейшей частью состава преступления, через которую фиксируется наружное выражение общественно опасного деяния: через нее же устанавливают, каким образом и в каких формах совершается правонарушение. В отличие от субъективной стороны внутреннее психическое отношение к содеянному объективная сторона понимается как совокупность наблюдаемых проявлений; при этом объективной стороной обозначается совокупность элементов поведения, воспринимаемых извне и подлежащих для правовой оценке. Такие признаки обнаруживаются в ходе следствия и судебного обстоятельств дела показаний экспертиз документов вещественных доказательств и материалов и выявляются при всестороннем исследовании доказательственной базы. Обычно подобные проявления выражаются в активных действиях – в активных действиях, а также в актах, принижение человеческого достоинства это может принимать форму в высказываниях публикациях демонстрации материалов или иных коммуникации. При этом таких действий их публичность и доступность для широкой аудитории существенно отражаются на характере опасности и, следовательно, что усиливает общественную опасность деяния.

Существенную роль в характеристике объективной стороны играет контекст. Одни и те же слова или изображения в зависимости от ситуации могут приобретать различный смысл. Так, цитирование исторического документа, использование спорных высказываний в учебных или научных целях, критический пересказ чужой позиции, художественное произведение,

сатирический жанр, журналистское освещение событий требуют внимательного анализа. Недопустимо вырывать отдельные фразы из общего контекста и придавать им значение, которого они не имели в исходном сообщении. Вместе с тем ссылка на художественную форму, шутку, мем или иронию сама по себе не исключает уголовной ответственности, если за внешней игривостью скрывается очевидная направленность на возбуждение ненависти и унижение достоинства. Следовательно, контекст выступает одним из центральных критериев правовой оценки объективной стороны.

Показательным примером в этом отношении является дело жительницы Барнаула М. Мотузной, в отношении которой в 2018 году было возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК РФ в связи с публикацией изображений в социальной сети «ВКонтакте»¹. Следствие квалифицировало репосты картинок как публичное распространение материалов, возбуждающих ненависть по религиозному и национальному признаку, тогда как сама обвиняемая настаивала на отсутствии какого-либо умысла на возбуждение ненависти: по её объяснениям, публикации носили характер бытового юмора и не были адресованы конкретным группам лиц. Уголовное преследование было прекращено в связи с декриминализацией ч. 1 ст. 282 УК РФ, осуществлённой Федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ, которым был введён принцип административной преюдиции: уголовная ответственность отныне наступает лишь при повторном совершении деяния после привлечения к административной ответственности. Данное дело наглядно иллюстрирует обозначенную проблему: автоматическое отождествление технического действия в виде репоста с умышленным возбуждением ненависти без установления направленности умысла и реального воздействия публикации на аудиторию не отвечает требованиям уголовно-правовой доктрины и может приводить к необоснованному уголовному преследованию.

¹ Постановление о прекращении уголовного дела в отношении Мотузной М.С. Барнаульский районный суд Алтайского края, 2018 г. URL: <https://sudact.ru>

Законодательством Российской Федерации установлена ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов. Информационные материалы признаются экстремистскими, если они призывают к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности.

В современной уголовно-правовой науке сохраняются дискуссии по ряду вопросов, связанных с рассматриваемыми элементами состава преступления. В частности, обсуждается, насколько универсальна категория общественных отношений как объект уголовно-правовой охраны, всегда ли необходимо выделять предмет преступления как самостоятельный признак, как разграничивать последствия и ущерб, как определять причинную связь в условиях множественности факторов, следует ли расширять понятие деяния применительно к цифровой среде и информационным преступлениям. Развитие технологий, рост киберпреступности, цифровизация имущественного оборота, появление новых способов воздействия на личность, имущество и общественные процессы ставят перед наукой задачу переосмысления традиционных конструкций, не разрушая при этом их фундаментального значения.

Не является информацией, направленной на возбуждение вражды, простая констатация фактов, которая не несет никакого отрицательного заряда. То есть не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Формы проявления рассматриваемого преступления могут быть весьма разнообразными. К ним относятся устные высказывания, письменные тексты, аудио- и видеоматериалы, публикации в средствах массовой информации и сети

Интернет. В условиях цифровизации особое значение приобретают действия, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, поскольку они позволяют охватить широкую аудиторию и оказывают значительное влияние на общественное сознание.

Следует подчеркнуть, что объективная сторона рассматриваемого преступления носит формальный характер, то есть для признания деяния оконченным не требуется наступления конкретных общественно опасных последствий. Достаточно самого факта совершения действий, направленных на возбуждение ненависти или унижение достоинства. Через эти элементы уголовное право фиксирует как социальную сущность преступления, так и его фактическое проявление. В совокупности они обеспечивают разграничение преступных и не преступных деяний, смежных составов преступлений, стадий совершения преступления и форм соучастия, а также служат основой для доказывания, квалификации и назначения наказания. Именно поэтому в системе уголовно-правовых категорий объект и объективная сторона занимают центральное место, выступая необходимым инструментом как научного анализа, так и практического правоприменения.

§2. Субъективные признаки состава преступления

Уголовно-правовая характеристика возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства требует обращения прежде всего к анализу объекта и объективной стороны данного преступления, поскольку именно через эти элементы состава раскрывается его социальная сущность, общественная опасность и место в системе преступлений экстремистской направленности.

Субъективные признаки состава преступления возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства имеют ключевое значение для правильной квалификации содеянного и отграничения данного преступления от смежных составов, а также от административных правонарушений. В рамках уголовно-правового анализа субъективная сторона

включает в себя вину, форму вины, мотив, цель и иные внутренние психические процессы, характеризующие отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям. Для преступления, предусмотренного статьёй 282 УК РФ, субъективные признаки обладают определённой спецификой, обусловленной экстремистской направленностью данного состава и его формальным характером.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, характеризуется как общий, однако его правовая характеристика имеет ряд существенных особенностей, вытекающих из специфики объективной стороны и направленности деяния. В соответствии с действующим уголовным законодательством субъектом данного преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, что прямо следует из общих положений УК РФ.

Возраст уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ установлен на уровне шестнадцати лет, что обусловлено характером рассматриваемого деяния. Возбуждение ненависти либо вражды предполагает определенный уровень интеллектуального и социального развития лица, позволяющий осознавать не только фактическое содержание своих высказываний или действий, но и их общественную направленность. Лицо должно понимать, что распространяемая им информация способна сформировать у неопределенного круга лиц негативное, враждебное отношение к определенной социальной группе. Именно поэтому законодатель не относит данное преступление к категории деяний, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста.

Преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Принцип виновной ответственности тесно связан с принципами законности, справедливости и личной ответственности. Именно вина делает

возможным нравственное и юридическое порицание лица со стороны государства. Если причинение вреда произошло случайно, без возможности его предвидения, либо вследствие обстоятельств, исключающих осознанно-волевой характер поведения, уголовная ответственность исключается. Следовательно, вина не является абстрактной психологической категорией; она служит юридическим основанием для вменения преступления конкретному лицу. Отсюда вытекает и важнейшее значение субъективных признаков в судебной практике: неправильное установление формы вины способно привести либо к необоснованному осуждению, либо к неверной квалификации содеянного.

Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы. В случае, когда лицо распространяет экстремистские материалы с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по определенным признакам, содеянное им должно влечь уголовную ответственность по статье 282 УК РФ.

Однако преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений.

Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе.

Цель преступления представляет собой мысленную модель результата, к достижению которого стремится виновный, совершая преступление. Если мотив отвечает на вопрос, почему совершается преступление, то цель — для чего оно

совершается. Цель всегда связана с волевой направленностью поведения лица и характеризует тот результат, которого оно желает достичь. Например, при хищении целью является незаконное безвозмездное обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, при террористическом акте – устрашение населения, воздействие на органы власти или международные организации, при убийстве с целью скрыть другое преступление – избежание разоблачения.

Особого внимания заслуживает субъект преступления в условиях распространения информации через интернет. На практике подавляющее большинство дел по ст. 282 УК РФ связано именно с размещением материалов в социальных сетях, на форумах или иных интернет-площадках. В этой связи возникает вопрос об установлении лица, фактически разместившего соответствующую информацию. Субъектом преступления в данном случае признается именно тот пользователь, который осуществил публикацию или иным образом обеспечил распространение материала, содержащего признаки возбуждения ненависти или вражды.

При этом необходимо разграничивать автора контента и лицо, осуществляющее его распространение. В судебной практике фиксируется возможность наступления уголовной ответственности не только в отношении автора контента, но и в отношении лица, осуществляющего сознательное распространение материалов, в том числе посредством репоста, при этом ключевым условием для констатации указанной ответственности признается наличие умысла на распространение информации, направленной на возбуждение ненависти, а в случае отсутствия у лица осознания содержательной направленности материала вопрос о правомерности привлечения к уголовной ответственности подлежит дополнительной оценке в условиях совокупности фактических обстоятельств.

Иной подход к установлению субъективной стороны демонстрирует дело Р. Кашапова, рассмотренное судами Республики Татарстан в 2015 году. Кашапов был осуждён по ч. 1 ст. 282 УК РФ за систематическое размещение в социальных

сетях публикаций, содержавших, по выводу суда, высказывания, возбуждавшие ненависть и вражду по национальному признаку¹. Ключевым обстоятельством при доказывании умысла послужила именно системность поведения обвиняемого: суд принял во внимание не отдельную публикацию, а устойчивую и повторяющуюся модель действий, свидетельствовавшую об осознанной направленности деятельности на формирование враждебного отношения к определённой группе лиц. Таким образом, данное дело подтверждает позицию, согласно которой при отсутствии прямых доказательств умысла его наличие может устанавливаться судом через совокупность косвенных обстоятельств – продолжительность, систематичность и характер действий субъекта, – что, однако, требует особой осторожности во избежание расширительного вменения.

Осуществляется исследование психологических элементов преступной структуры, получающих выражение в межгрупповой ненависти и враждебности, а также в унижении человеческого достоинства, при этом детерминация указанных проявлений обуславливается сочетанием сознательного умысла и наличия специального мотива, квалифицируемого как мотив ненависти, и требование к субъекту деяния формулируется через признак осознания общественной значимости совершаемых поступков и через наличие представления о побуждении враждебности к конкретной группе, что используется в процессе квалификации совершенного деяния. Точная оценка психического аспекта дела приобретает ключевое значение для обеспечения правопорядка и справедливости и для соразмерного учета общественных интересов и права на свободу выражения мнений, причем исследование должно учитывать совокупность фактических обстоятельств. Привлечение лица к уголовной ответственности за совершении такого акта допускается только в соответствии с принципом: лишь при наличии всех необходимых внутренних признаков возможно квалифицировать поведение как такое преступление.

¹ Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 5 марта 2015 г. по делу № 1-226/2015. URL: <https://sudact.ru>

§3. Квалифицированные виды состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ

Квалифицированные виды состава преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой особую разновидность уголовно наказуемого деяния, характеризующуюся наличием дополнительных признаков, повышающих степень общественной опасности по сравнению с основным составом. Речь идет о действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, если такие действия совершаются публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». При этом законодатель выделяет специальные квалифицирующие обстоятельства, наличие которых свидетельствует о большей опасности деяния, его более выраженном антисоциальном характере, повышенном риске причинения вреда общественным отношениям, связанным с обеспечением конституционного принципа равенства, межнационального и межконфессионального мира, общественной стабильности и безопасности.

Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК РФ могут быть совершены также при обстоятельствах, усиливающих ответственность: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) организованной группой.

Насилие охватывает и психологические воздействия, например угроза, а также физические посягательства; в частности они могут проявляться в причинении повреждений, телесным повреждениям – от легкой до умеренной степени, как легкой, так и умеренной тяжести в совершении побоев и в прочих актах насильственного характера, не вызвавших тяжелых травм или гибели пострадавшего. Угроза определяется как выраженное намерение причинить

конкретному лицу телесный, имущественный или иной вред; такое намерение причинить может быть выражено устно, в письменной форме или другими способами, например угроза о намерении причинить вред здоровью или угрозы совершить убийство. Нанесение тяжкого вреда здоровью как обстоятельство рассматривается при установлении правовой квалификации деяния. Для применения статьи 119 УК РФ не требуется, чтобы наличие этого обстоятельства было обязательным. В рамках уголовного производства следственным и компетентным структурам поручено внимательно документировать и проверять формулировки в официальных актах, где фигурирует угроза применения силы; в противном случае приговор может не соответствовать фактической картине дела. Между тем законодательство не устанавливает пределов интенсивности насилия: его степень может варьироваться и, как правило, не изменяет правовую квалификацию деяния, за исключением случаев когда насилие привело к гибели пострадавшего или нанесению тяжкого вреда здоровью в таких обстоятельствах действия подлежат квалификации по нескольким составам.

Угроза применения насилия также рассматривается как самостоятельный квалифицирующий признак. Она может выражаться в устных высказываниях, письменных сообщениях или иных действиях, создающих у потерпевшего реальное опасение за свою жизнь или здоровье. Важным является то, что угроза должна быть реальной, то есть восприниматься потерпевшим как осуществимая. Формальные или явно нереалистичные угрозы, как правило, не образуют данного признака.

Особенностью рассматриваемого квалифицирующего признака является его тесная связь с мотивационной направленностью деяния. Насилие или угроза его применения должны быть обусловлены именно стремлением возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство по признакам, указанным в законе. Если насилие применяется по иным мотивам, квалификация по ст. 282 УК РФ может быть исключена или дополнена иными составами преступлений.

Следует отметить, что в том случае, если действия, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК РФ, сопровождались истязанием лица, то подобные деяния выходят

за рамки насилия, указанного в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, и требуют квалификации по совокупности п. «з» ч. 2 ст. 117 и п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Не охватывается п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ и организация массовых беспорядков.

В данном случае имеет место идеальная совокупность, когда одним действием лицо совершает преступления, предусмотренные разными статьями УК РФ. Таким образом, данные действия подлежат квалификации по совокупности ст. 212 и ч.1 ст. 282 УК РФ.

Б. Субъектом данного состава преступления является должностное лицо. Должностными лицами в УК признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ, традиционно сталкивается с необходимостью соблюдения баланса между охраной конституционного строя и недопустимостью необоснованного ограничения свободы мысли и слова. Это особенно актуально при квалифицированных видах состава, поскольку расширительное толкование насилия, угрозы, служебного положения или организованной группы может привести к чрезмерной криминализации поведения, не обладающего достаточной общественной опасностью. Поэтому при квалификации требуется учитывать не только буквальное содержание высказываний или действий, но и их коммуникативную цель, аудиторию, форму подачи, общий контекст, социальную ситуацию, наличие реальной опасности для охраняемых законом

ценностей. Критика религиозных, политических или социальных явлений, дискуссия по вопросам общественного устройства, исторические оценки, даже резкие, не должны автоматически рассматриваться как возбуждение ненависти либо унижение достоинства, если отсутствует соответствующая направленность.

К лицам, использующим свое служебное положение, относятся также государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ. Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности на других лиц в целях совершения ими действий, направленных, в частности, на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

В. Как показывает анализ практики, возбуждение ненависти либо вражды по указанным признакам осуществляется организованной группой лиц. Под организованной группой понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения действий, в данном случае направленных на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства.

Согласно закону все участники организованной группы признаются соисполнителями и несут ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.⁵⁰ Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору не отнесено в п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ как квалифицирующий признак, несмотря на объединение усилий нескольких лиц для достижения преступного результата. Законодатель предполагает, якобы такие преступления не совершаются группой лиц, группой лиц по предварительному сговору. Однако, преступления группой лиц по предварительному сговору все же совершаются.

Физическое лицо Гришин А В, действуя в сговоре с иными участниками и опираясь на ранее достигнутые договоренности, намеревался причинить физический вред и унижить людей: их внешность не соответствовала славянскому типу в публичной демонстрации (включая, например, признаки, относимые к национальному и языковому признаку). В общественных местах он, совместно с сообщниками, согласованно наносил множественные удары руками и ногами по головы и туловищу, что в результате повлекло за собой телесные страдания потерпевших.

С процессуальной точки зрения уголовное дело было оформлено для каждого соучастника как отдельное производство: пункт 2 статьи 282 УК РФ, примененный судом, не содержит специального квалифицирующего обстоятельства, который устанавливал бы ответственность за деяние, совершенное группой по предварительному сговору В таких условиях процессуальная практика сложилась соответствующим образом. В результате Гришина привлекли к ответственности на условный срок в три года с учетом совокупности совершенных правонарушений; при наличии указанного квалифицирующего обстоятельства суд назначил бы более суровое наказание всем соучастникам, что, по мнению обвинения, лучше соответствовало бы задачам уголовного преследования.¹

Квалифицирующие признаки уголовно-правовой нормы, закрепленной положениями статьей 282 УК РФ, функционируют как инструмент правоприменения и профилактики, направленный на осуществление решительных мер и на проведение противодействия наиболее опасным формам экстремистской деятельности, которые создают угрозу общественной безопасности.

Использование насилия или угроз его применения, равно как и злоупотребление служебными полномочиями, помимо этого, совместное

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 20 ноября 2007 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Дело №1-882/06

совершение преступления несколькими лицами по заранее обговоренному плану существенно повышают общественную опасность таких действий, вследствие чего необходимо назначать более строгое уголовное наказание.

Анализ квалифицированных составов позволяет сделать вывод о стремлении законодателя обеспечить баланс между свободой выражения мнения и необходимостью защиты конституционного строя, прав и свобод человека, общественного порядка. Правильная квалификация таких деяний имеет принципиальное значение для обеспечения законности, справедливости и предупреждения экстремистских проявлений в современном российском обществе. В заключение следует отметить, что квалифицированные виды состава преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, представляют собой наиболее опасные формы возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения достоинства человека либо группы лиц. Их законодательное выделение обусловлено необходимостью адекватно реагировать на ситуации, когда экстремистское посягательство сопровождается насилием или угрозой его применения, осуществляется с использованием служебного положения либо приобретает устойчивый организованный характер. Каждый из названных признаков существенно увеличивает вредоносный потенциал преступления, усиливает его воздействие на охраняемые уголовным законом общественные отношения и требует особенно тщательной правовой оценки. Правильная квалификация таких деяний имеет принципиальное значение для обеспечения законности, единообразия судебной практики и эффективной защиты конституционных ценностей равенства, человеческого достоинства, межнационального и межрелигиозного согласия. Именно поэтому анализ квалифицированных видов состава статьи 282 УК РФ должен строиться на строгом соблюдении закона, всестороннем исследовании обстоятельств дела и точном понимании социальной природы экстремистских преступлений.

**§4. Проблематизация и направления совершенствования
институциональной регламентации уголовно-правовой ответственности за
деяния, направленные на разжигание ненависти и вражды, а также за
деяния, выражающие унижение достоинства, в совокупности с анализом
практики применения соответствующих уголовно-правовых норм**

Охранная функция уголовно-правового регулирования Российской Федерации представлена через институциональное закрепление ответственности за деяния, выражающие ненависть и дискриминацию, а также через формирование правовых норм, направленных на защиту достоинства и обеспечение равенства прав личности, что обеспечивает возможность защиты прав личности и способствует укреплению межнациональных и религиозных отношений при сохранении общественного согласия. В условиях социального и культурного многообразия правовое регулирование публичных высказываний, включая медиапространство и публичные выступления, подлежит осуществлению с повышенной осторожностью ввиду потенциала указанных высказываний к провокации вражды или унижения. Высказывания, направленные на разжигание ненависти и на пропаганду превосходства одной группы над другой, характеризуются деструктивным воздействием на структуру межгрупповых связей и обладают дестабилизирующим потенциалом в отношении общественных отношений. Обеспечение правовой определенности и единообразного применения норм рассматривается как необходимое условие для установления баланса между мерами по противодействию экстремизму и мерой охраны гражданских свобод, включая свободу слова, с учетом специфики рассматриваемого явления. Совершенствование механизмов ответственности за указанные деяния интерпретируется как обладающее одновременно теоретическим и практическим значением.

Ключевая проблема представляется в неопределенности признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и выражается в недостаточной ясности формально закрепленных критериев, при этом категории «возбуждение

ненависти», «вражда» и «унижение достоинства» сохраняют оценительный характер. Это создает определенные трудности при их толковании и применении. В отсутствие четких законодательных дефиниций правоприменители вынуждены опираться на судебную практику и экспертные заключения, что может приводить к неоднородности решений и снижению уровня правовой определенности.

Вопрос о разграничении вандализма от действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, Пленум Верховного Суда решил таким образом: в случаях совершения вандализма, уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, надругательства над телами умерших и местами их захоронения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы содеянное квалифицируется соответственно по статье 214, 243 или 244 УК РФ.

Если наряду с указанными деяниями совершены действия, предусмотренные статьей 282 УК РФ (например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистические лозунги), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответственно статьей 214, 243 или 244 УК РФ и статьей 282 УК РФ.

Особую сложность вызывает разграничение уголовно наказуемых деяний и реализации права на свободу выражения мнения. Свобода слова является одной из фундаментальных ценностей демократического общества, однако она не является абсолютной. В практике нередко возникают ситуации, когда высказывания носят резкий, провокационный или оскорбительный характер, но при этом не направлены на возбуждение ненависти в уголовно-правовом смысле. Отсутствие четких критериев разграничения приводит к риску либо чрезмерного ограничения свободы слова, либо, напротив, недооценки общественной опасности деяния.

В ряде судебных решений фиксируются эпизоды, когда деяния, включающие разжигание ненависти и вражды а также унижение чести и достоинства, получали квалификацию как адресованные против собирательных субъектов – формируемых по принадлежности к социальным основаниям; в ряде материалов эти объединения выделялись социальным группам например приверженцы демократического устройства, военнослужащие Российской Федерации, партийные члены и их сторонники и другие категории. При этом последняя категория в ряде постановлений порой не включалась в состав обвинения без детального мотивирования: отмечалось, что партия не подпадает под юридическое определение социальной группы, и лица не относились к предмету квалификации, что вызывало споры относительно этого понятия. В иных решениях, напротив, прямо указывалось, что такие лица входят в состав социальной группы и что отсутствие единого подхода и ясных критериях разграничения понятия социальной группы порождает разнотолкования и практическую непоследовательность. В этой связи предлагается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ закрепить определение социальной группы, снабдив его перечнем признаков и конкретизацией границами что повысит предсказуемость и судебных решений.

В условиях цифровой трансформации правовых стандартов обнаруживается, что границы между публичным и частным пространством становятся предметом спора при квалификации деяний: публикации в частных сообществах или замкнутых группах нередко трактуют как публичное распространение если к таким объединениям потенциально способен получить доступ широкий круг пользователей. Отсутствие единого подхода к определению публичности и приводит к фрагментации судебной практики, что в итоге снижает предсказуемость решений и затрудняет применение норм в повседневной правоприменительной деятельности.

Вопросы, затронутые в настоящем исследовании, можно классифицировать по трем ключевым направлениям:

1. Существенные сложности наблюдаются при интерпретации терминов содержащихся в тексте статьи 282 УК РФ; дефицит специальной лексической компетенции приводит к существенным процессуальным ошибкам со стороны правоохранительных органов при расследовании преступлений по этой статье, что осложняет практику применения нормы. Юристы-практики, наталкивающиеся на такие неоднозначности, зачастую обращаются к толковому словарю для уточнения смысловых границ спорных понятий и возможные варианты их квалификации. В качестве примерных проблемных терминов обычно называют: ненависть вражда социальная группа происхождение честь достоинство именно эти лексемы наиболее часто вызывают разночтений. Кроме того категория «действия» не получила четкого определения у законодателя. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ приводятся лишь отдельные примеры деяний на разжигание ненависти или вражды, что нередко выливается в необъективные и несправедливые судебные решения.

Например, стоит вспомнить дело, рассматривавшееся в Екатеринбурге: в нем видеоблогер Руслан Соколовский обвинялся по ряду статей УК РФ, включая 282-ю. В опубликованных роликах он резко критиковал политические процессы, причем критика затрагивала события в России и за ее пределами; помимо этого высказывалось негативное отношение к религиозным деятелям – иногда в сюжетах появлялись образы священнослужителей персонажами комиксов и выражая недовольство включением православного обучения в школьную программу, автор настаивал, что обсуждение теории эволюции в храмах недопустимо. В отношении блогера возбудили уголовное дело по статье 148 УК РФ, которая предусматривает ответственность за посягательства на свободу совести и вероисповедания. Позднее ему также предъявили обвинения по статьям 148 282 и 138 1 УК РФ; последняя норма касается незаконного оборота технических средств, применяемых для тайного наблюдения, – и этот эпизод был выделен отдельно.

11 мая 2017 г. Екатеринбургский суд сформулировал вывод действия Соколовского: они квалифицированы как подстрекательство к вражде и как

оскорбление религиозных чувств в решении – причем в частности фигурирует фразеология «подстрекательство к вражде, оскорбление чувств». Тем не менее суд не усмотрел состава преступления по 148 и 282 УК РФ поскольку в материалах дела оставались сомнения относительно наличия умысла разжечь вражды между религиозными общностями.¹

По просмотренному видео видно Соколовский: анализ кадров показывает, что он находился в храме при этом никаких очевидных нарушений права прихожан на свободу вероисповедований не обнаружено. Также прямых оскорбительных высказываний в адрес верующих им не приписывают. Тем не менее многие полагают что завершающая реплика ролика оформленная в виде цитаты «не поймал главного покемона Иисуса Христа может вполне может» способна восприниматься как оскорбительная по отношению к религиозным чувствам и потому вызывает усиленное обсуждение.

Возникает вопрос, следует ли такие высказывания расценивать как подстрекательские к вражде или ненависти; при этом база включая разъяснения Верховного Суда РФ не дает четких ориентиров, которые могли бы устранить правовые неясности. В условиях недостатка ясных юридических критериев в диспозиции статьи 282 УК РФ суд, по моему мнению ошибочное решение В результате, полагая, что общественное давление и СМИ повлияли на процесс, применил условное наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет, при этом с испытательного срока длительностью три года.

Также важным направлением совершенствования является разработка специальных правил оценки цифрового контента. Законодательство и судебная практика должны учитывать различие между созданием контента, его целенаправленным распространением, комментированием, цитированием, репостом, сохранением, лайком, участием в закрытой группе и иными формами активности в сети. Недопустимо автоматически приравнивать любую

¹ Приговор Центрального районного суда г. Екатеринбурга от 3 февраля 2011 г. по делу №1-11/2011. URL: [http:// centralcourt.oms.sudrf.ru/](http://centralcourt.oms.sudrf.ru/)

техническую форму взаимодействия с материалом к умышленному возбуждению ненависти. Для признания деяния преступным необходимо учитывать осознанность действия, доступность публикации для широкой аудитории, контекст размещения, сопроводительный комментарий, количество просмотров, повторяемость поведения, роль лица в распространении материала и иные обстоятельства. Без такого дифференцированного подхода практика будет неизбежно сталкиваться с обвинениями в формализме и несправедливости.

2. Возникает необходимость более точного указания: какие именно основания следует относить к тем, что охраняются Конституции и какие одновременно требуют закрепленной юридической защиты. Более того, эти вопросы приобретают практическое значение, поскольку требуют закрепленной юридической защиты В 19-й статье Основного закона РФ содержится перечень отдельных признаков граждан – в нем перечислены пол, расовая и этническая принадлежность язык и происхождение; далее называются религиозная принадлежность, убеждения, участие в общественных объединениях и иные обстоятельства которые закон признает существенными. Вместе с тем текст не фиксирует явно целый ряд других возможных оснований: например сексуальная ориентация, цвет кожи либо наличие инвалидности прямо не названы.

Таким образом, данные лица не подпадают под критерии, установленные в статье 282 Уголовного кодекса РФ. Следовательно, в рамках указанной статьи представители нетрадиционной сексуальной ориентации в данном случае не получают правовой защиты. Можно предположить, что они могут относиться к категории социальной группы. В этой связи категория «пол» могла бы быть включена, учитывая, что общество как совокупность индивидов делится на мужской и женский пол. Однако отсутствует четкое определение понятия «социальная группа».

3. Различия между национальными и зарубежными правовыми системами – явление многослойное: одно проявляется в терминологии и в выборе методологических подходов к интерпретации экстремизма, который фиксируется в самых разных формах. На фоне интенсивного информационного

обмена преступления мотивированные ненавистью уже выходят за пределы отдельных государств и затрагивают все мировое сообщество; при этом ответные меры предпринимаются отдельными государствами. Поэтому для противодействия таким преступлениям требуется плотное, межгосударственное взаимодействие и обмен опытом; одновременно необходима координация между странами в области борьбы с экстремизмом. При этом формы сотрудничества не ограничиваются лишь согласованными действиями: важно также сформировать единое представление о природе явления и выработать общие подходы. Согласованность достигается не только посредством таких мер, как заключение международных соглашений но и через совместную разработку и принятие сопоставимых национальных нормативных актов, включающих общие определения.

В итоге, по моему мнению, целесообразно будет сформулировать ст. 282 УК РФ в таком варианте: «Статья 282 Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства:

1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение чести и достоинства человека либо чести группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения, отношения к религии, сексуальной ориентации, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе..., - наказываются...

2. Те же действия, совершенные: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, - наказываются...».

В контексте совершенствования законодательства следует обратить внимание на необходимость уточнения отдельных признаков состава преступления. Введение более четких критериев оценки таких понятий, как «ненависть» и «вражда», позволило бы повысить уровень правовой определенности и снизить риск произвольного толкования. При этом важно

сохранить баланс между детализацией норм и их гибкостью, позволяющей учитывать разнообразие жизненных ситуаций.

Формирование института административной преюдиции представляется перспективным направлением правовой модернизации, при этом частичная инкорпорация данного института фиксируется в положениях действующего законодательства.

Комплексность проблем уголовно-правового регулирования ответственности за возбуждение ненависти и за унижение достоинства проявляется в совокупности факторов, среди которых наблюдается оценочность признаков преступления, неопределенность понятия социальной группы, трудности разграничения уголовной и административной ответственности, специфика цифровой публичности, наличие рисков ограничения свободы слова, сложности доказывания умысла, зависимость от экспертных заключений и неравномерность судебной практики, и данная совокупность представляет собой предмет системного анализа в рамках правовой политики. Необходимость разрешения указанных проблем не рассматривается как основание для отказа от уголовно-правовой охраны межнационального, межрелигиозного и социального мира, а подлежит осмыслению как требование совершенствования такой охраны на базе принципов законности, определенности, справедливости, соразмерности и уважения прав и свобод, при этом направленность мероприятий по совершенствованию правовой регламентации должна обеспечивать повышение определенности, предсказуемости и справедливости норм, способствовать достижению единообразия судебной практики и предусматривать гармонизацию уголовно-правовых мер с профилактическими и образовательными механизмами, поскольку только при условии такого сочетания реализуемость целей защиты общественного согласия и конституционных ценностей представляется возможной при одновременном соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Совершенствование законодательства должно быть направлено на повышение его определенности, предсказуемости и справедливости, а также на обеспечение единообразия судебной практики.

Только при условии гармоничного сочетания уголовно-правовых мер с профилактическими и образовательными механизмами возможно достижение целей защиты общественного согласия и конституционных ценностей при одновременном соблюдении прав и свобод человека и гражданина

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение характера преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, в рамках уголовно правовой оценки позволяет дать основание выделить следующее речь: речь касается подстрекательстве к вражде или ненависти и унижению человеческого достоинства при этом рассматриваемая норма выполняет важную охранительную функцию в системе правовых положений, направленных на обеспечение конституционного принципа равноправия и свобод граждан, а также на содействие межнационального и межконфессионального согласия и на сохранение общественной безопасности в целом. Актуальность проблемы возрастает ввиду современных проявлений неприязни на расовой национальной религиозной почве: подобные инциденты в последнее время все чаще фиксируются в публичной сфере, в том числе на цифровых платформах, что значительно повышает общественную опасность и обосновывает необходимость применения уголовно правового реагирования и сопутствующих мер.

Осуществление анализа выявляет системные трудности в квалификационно-разграничительном поле статьи 282 УК РФ в соотношении с близкими по признакам составами преступлений, проявляющимися в публичных призывах к экстремистским действиям, в оправдании нацизма и в деяниях, унижающих достоинство, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода к выделению диспозиционных границ правового регулирования. В практике правоприменения фиксируется приоритетная роль субъективного фактора в виде наличия соответствующего намерения и роль формы публичного выражения мнения как классификационно определяющих обстоятельств, которые рассматриваются как решающие при отнесении поведения к тому или иному составу. Недостаточная конкретизация законодательных формулировок интерпретируется как источник разночтений при квалификации и как фактор, усиливающий правовую неопределенность. В указанном аспекте формирование унифицированных разъяснений высших

судебных инстанций и выработка согласованных методологических подходов к толкованию норм представляются необходимыми мероприятиями, направленными на снижение выявленной неопределенности.

Проведенное исследование фиксирует затруднения в разграничении состава, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и сопряженных с ним преступных образований, проявляющиеся в материалах, содержащих публичные призывы к экстремистским действиям и поступки, имеющие характер действий, унижающих достоинство, что обуславливает сложность выработки однозначной правовой квалификации рассматриваемых деяний.

Материалы Пленума Верховного Суда по делам экстремистского характера рассматриваются как сохраняющие нерешенными вопросы, касающиеся критериев квалификации и мер ответственности за экстремистские деяния, а также предельных границ допустимой нетерпимости между группами, что детерминирует потребность в дальнейшем методологическом уточнении правового регулирования. В рамках проведенного исследования осуществлялся теоретический анализ сущностных характеристик соответствующих составов и формировались рекомендации по юридической квалификации поступков, подпадающих под признаки ст. 282 УК РФ, при этом представление результатов интерпретируется как направленное на придание практико-методологической определенности существующей проблематике квалификационно-разграничительных вопросов.

В результате сравнительно-правового анализа выявляется, что при наличии существенных различий в национальных правовых системах констатируется преобладающее признание высокой общественной опасности деяний, связанных с разжиганием ненависти, при этом вариативность подходов к уголовно-правовому регулированию обусловлена совокупностью правовых традиций и социально-политических условий и, в наиболее общем виде, проявляется в том, что в европейских странах, включая Германию, наблюдается строгая нормативно-правовая ориентация на установление ограничений в отношении высказываний, способствующих возникновению вражды, тогда как в

англосаксонской системе акцентируется приоритет защиты свободы слова. Это свидетельствует о необходимости поиска баланса между защитой общественных интересов и соблюдением прав личности.

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, позволил выявить его сложную структуру. Объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие равенство прав и свобод человека, а также общественное спокойствие и межгрупповую гармонию. Объективная сторона выражается в активных публичных действиях, направленных на возбуждение ненависти либо унижение человеческого достоинства, и носит формальный характер, что обусловлено превентивной направленностью уголовно-правовой нормы.

Приоритет в этом исследовании был отдан анализу субъектного аспекта преступного деяния; фокус поставлен именно на субъекте и его правовой значимости. Установлено, что вина в рассматриваемом случае выражается лишь посредством умысла что обусловлено спецификой самого деяния и сопутствующими обстоятельствами. Мотив и цель – будучи факультативными при квалификации – в значительной мере формируют направленности действий субъекта и одновременно интегрируются в методологическую схему квалификационного анализа, дополняя ее как эмпирический и теоретический компонент. Внутренний субъективный аспект выступает основанием при разграничения противоправных деяний и, одновременно, способствует защите свободу выражения мнения; помимо этого, мотивация и целевая установка играют важную роль в практике правоприменения.

Явления, связанные с возникновением вражды или принижения человеческого достоинства по признакам национальности, расы или религии, следует рассматривать не как разрозненные эпизоды, а как сложное социальное явление, порождаемое множеством взаимосвязанных факторов и условий. Поэтому эффективное противодействие таким проявлениям требует комплексного подхода: он не должен ограничиваться исключительно правовыми мерами и предполагает подключение и политического экономического

потенциала, общественных инициатив, а также идеологического и воспитательного воздействия в целях профилактики и коррекции; необходимы конкретные меры и адекватные ресурсы для последовательной реализации этих программ. Сосредоточение ответных мер против экстремизма лишь уголовно правового характера в изоляции, по сути, вряд ли даст результаты тем слоям населения, наиболее подверженным радикализации; вместе с тем нельзя недооценивать значение совершенствования нормативно правовых инструментов и механизмов реагирования.

Эмпирический разбор судебных решений показывает, что при оценке по существу решающим фактором выступает вовсе не формальная квалификация, а прежде всего характер умысла и, с учетом манеры публичных заявлений, сочетание этих признаков в отдельных спорах нередко определяет исход дела. Правовая неясность, напротив, создает широкий простор для различного рода квалификаций В подобных ситуациях; в силу этого на первый план выходит необходимость именно этого разъяснения судебных инстанций и выработка согласованных подходов к толкованию нормативных актов приобретают повышенную практическую и методологическую значимость.

В ходе исследования были выявлены проблемы разграничения ст. 282 УК РФ со смежными составами преступлений, в частности с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности, реабилитацией нацизма, а также действиями, направленными на унижение достоинства по иным основаниям. Судебная практика демонстрирует, что ключевым критерием разграничения является направленность умысла и характер публичных высказываний. Однако отсутствие четких законодательных дефиниций порождает риск неоднородности квалификации. В этой связи важное значение имеют разъяснения высших судебных инстанций и формирование единообразных подходов к толкованию закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: принята 25 нояб. 1981 г. Резолюцией 36/55 на 73-м пленар. заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международное право : информ.-правовой банк.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.: с изм. от 13 мая 2004 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
4. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята 7 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. – № 25. – Ст. 219.
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г. // Международное право : информ.-правовой банк.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) [Электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.01.2025).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. 2001. 31 дек. (ред. от 26.12.2024)

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25 (ред. от 28.12.2024).

9. О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31.12.2017 №501-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2018, № 1 (Часть I), ст. 85.

10. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации»: Постановление Президента РФ от 05.10.2009 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс». (дата обращения: 02.01.2026).

11. О противодействии терроризму: федер. закон Рос. Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ // «Парламентская газета», № 32, 10.03.2006 (ред. от 18.04.2018)

12. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант плюс». (дата обращения: 02.01.2026).

13. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) // Консультант Плюс: справ. правовая система.

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Борзенков Г. Н., Курс уголовного права: в 5 т. – Т. 5. Особенная часть / под ред. В. С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. 145 с.

2. Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; под редакцией В. Б. Боровикова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. 505 с.

3. Борисов С.В., Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие – М. : Волтерс Клувер, 2010. 210 с.

4. Власов И.С., Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / Н.А. Голованова, В.Ю. Артемов и др.; отв. ред. И.С. Власов — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; КОНТРАКТ, 2014. 136 с.

5. Егорова С. А. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ): дис. – Сибирский федеральный университет, 2017.

6. Жеребченко А. В. Ответственность за возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства // Вестник Московского университета МВД России М, № 10. 2007 С. 53-56.

7. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Текст] / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова С.А. Ворожцов и др. - М: Норма. 2019. 145 с.

8. Козаченко И. Я. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 1 : учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. 382 с.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. - М: Проспект, 2021. 167 с.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) [Текст] / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. - М.: Проспект, 2021. 156 с.

11. Недзелюк Т.Г. Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции в 3 т. / коллектив авторов. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. С. 287.

12. Терновой Л. В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ): дис. – Сибирский федеральный университет, 2021.

13. Тарановская С.А. К вопросу о мотиве ненависти или вражды в отношении социальной группы как квалифицирующем признаке преступлений экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №2. С. 206.

14. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. 564 с.

15. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов / ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. 576 с.

16. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть : учебник для вузов / ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. 397 с.

17. Уголовное право. Общая часть. Семестр II : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. 284 с.

18. Чуганов Е. Г., Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики / А. И. Долгова, А. Я. Гуськов – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010.

III. Эмпирические материалы

1. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 20 ноября 2007 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Дело №1-882/06

2. Приговор Центрального районного суда г. Омска от 3 февраля 2011 г. по делу №1-11/2011. URL: [http:// centralcourt.oms.sudrf.ru/](http://centralcourt.oms.sudrf.ru/)

3. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска в отношении Камалова, Халафова, Дятловой, Закиевой. URL: <http://centr.chel.sudrf.ru>

4. РосПравосудие. Справочно-правовая система по судебным решениям судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов РФ. Приговор, г. Волгоград, 24.03.11. [Электронный ресурс] URL://[https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-oblastnoj-sud-volgogradskaya-oblast - s/act-100601081/](https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-oblastnoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-100601081/) (дата обращения: 02.01.2025).

5. Постановление о прекращении уголовного дела в отношении Мотузной М.С. Барнаульский районный суд Алтайского края, 2018 г. URL: <https://sudact.ru>

6. Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 5 марта 2015 г. по делу № 1-226/2015. URL: <https://sudact.ru>

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну.

Р.И. Газизов